

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
ЮЛЬ, 1900

ГИБЕЛЬ ОТРЯДА РУКИНА ВЪ 1870 ГОДУ.

НѢ случилось путешествовать въ 1871 г. по Киргизской стени...

Это было время, когда хивинскія шайки еще врывались въ нашу оренбургскую стень, и путешествіе представлялось далеко не безопаснымъ. Въ Уильскомъ укрѣпленіи мнѣ дали четырехъ конныхъ уральцевъ и посоветовали быть осторожнымъ. Правда, съ расположеніемъ нашихъ отрядовъ на пограничной линіи, случаи раз-

боевъ и нападений сдѣлались значительно рѣже, но за безопасность путешественниковъ все-таки никто не ручался.

Мы выѣхали изъ укрѣпленія послѣ ранняго обѣда и, переправившись черезъ Уиль въ бродъ, оставили влѣво красивыя, сверкавшія на солнцѣ, песчаныя горы Баркина. Отсюда начинается глухая уральская стень, далеко не представлявшая въ то время еще благоустроенной территоріи, въ смыслѣ развитія въ ней тѣхъ гражданственныхъ началъ, о которыхъ такъ хлопотали составители «новаго положенія».

Скучно ѣхать по стени. Медленно поднимается и плыветъ жгучее солнце по совершенно безоблачному небу. Жара въ 55 градусовъ, а между тѣмъ въ перспективѣ большой переѣздъ и ни малѣйшей тѣни среди всей этой опаленной глади. По сторонамъ дороги мелькаютъ еще кое-гдѣ аулы, и, словно очарованные, стоятъ и дремлютъ огромные отары овецъ и табуны съ ихъ полуголыми,

бронзовыми отъ солнца табунщиками. Лѣниво переговариваясь между собою, идутъ уральцы въ своихъ армячинныхъ рубахахъ, винтовки передвинуты на бокъ; потъ грязными ручьями струится по ихъ загорѣлымъ лицамъ, и они все чаще и чаще начинаютъ мѣнять свои позы, какъ дѣлаютъ люди, уставшіе въ сѣдлѣ отъ долгой и скучной дороги. Но вотъ наконецъ и привалъ. Мы сдѣлали уже верстѣ сорокъ и остановились ночевать въ степи около озера Тамберкуля, окруженнаго цѣлымъ рядомъ невысокихъ бархановъ. Озера собственно мы не нашли: оно давно пересохло, и теперь на мѣстѣ его образовалось нѣсколько копаней съ солоноватою водою. Едва казаки, стреноживъ лошадей, пустили ихъ на пастбу, какъ изъ лощины, закрытой песчанымъ холмомъ, выѣхалъ всадникъ. Съ минуту простоялъ онъ у насъ на виду, весь освѣщенный косыми лучами заходящаго солнца, и затѣмъ, вдругъ повернувъ коня, пропалъ за барханомъ. Подозрительные уральцы встревожились.

— И чего эта орда шатается, — жаловался бородатый урядникъ:— вотъ теперь ужъ гляди да гляди, чтобы коней не угнали.

Опасенія уральца, конечно, могли имѣть свои основанія. Но на этотъ разъ даже мнѣ, новичку въ степныхъ путешествіяхъ, подозрѣнія его показались напрасными. Насколько я успѣлъ разсмотрѣть незнакомца, это былъ тучный, осанистый киргизъ, въ замусленномъ донельзя халатѣ, и при томъ съ совершеннымъ отсутствіемъ тѣхъ характерныхъ признаковъ, которые отличаютъ степныхъ барантачей. Я полагаю, что это былъ просто киргизъ съ сосѣдней кочевки, исчезнувшій отъ насъ подъ вліяніемъ страха, наводимаго тогда казаками. Мое предположеніе оказалось вѣрнымъ: не прошло и получаса, какъ изъ-за бархана опять выѣхалъ тотъ же всадникъ, но уже одѣтый въ синій суконный чапанъ, съ широкимъ серебрянымъ поясомъ, и шагомъ направился въ нашу сторону. Онъ отрекомендовался мнѣ старшиною-управителемъ сосѣдней волости. Стало быть, это былъ киргизъ-чиновникъ, одинъ изъ тѣхъ мелкихъ административныхъ дѣятелей, которыми такъ щедро была надѣлена степь реформою 1869 года. Я пригласилъ его сойти съ коня и принять участіе со мною въ походномъ ужинѣ. Онъ оказался человѣкомъ бывалымъ, порядочно говорившимъ по-русски, и потому бесѣда съ нимъ не могла не представлять для меня живого интереса, тѣмъ болѣе, что разговоръ нашъ скоро перешелъ на послѣднія событія, которыя такъ неожиданно для всѣхъ превратили тогда мирную пастушескую степь въ широкую арену разбойничьихъ подвиговъ.

Изъ сопоставленія вполнѣдствіи его рассказовъ со свѣдѣніями, добытыми мною отъ очевидцевъ, съ рассказами казаковъ, вернувшихся изъ плѣна, наконецъ, съ тѣми немногими свѣдѣніями, которыя хранятся еще подъ толстымъ слоемъ пыли оренбургскихъ

архивовъ,—возникаетъ достаточно ясная картина того, что происходило въ степи въ роковое время 1869 и 1870 годовъ.

Нужно сказать, что до двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтїя Россїя почти не вмѣшивалась во внутреннюю жизнь киргизскаго народа, стараясь только отстранять его набѣги и обезпечивать свои торговыя сношенїя съ Среднею Азіею. Поставленные во главѣ управленїя ханы, получавшіе наслѣдственную власть, дѣйствовали почти безконтрольно, не разъ измѣняли Россїи и были главными причинами смуть и безпорядковъ между киргизами. Это послужило причиною тому, что въ двадцатыхъ годахъ ханское достоинство было наконецъ упразднено, и вся степь оренбургскаго вѣдомства раздѣлена на три части съ подчиненїемъ каждой особому султану-правителю. Въ должность эту выбирались обыкновенно почетнѣйшіе родовитые ордынцы, люди испытанной преданности русскому правительству, и, несмотря на все это, дѣло выигрывало очень мало: султаны-правители, хотя и подъ контролемъ правительственныхъ лицъ, въ сущности, оставались тѣми же киргизскими ханами, съ тою лишь разницей, что прежде степь управлялась однимъ, а потомъ тремя самовластными лицами, не пользовавшимися къ тому же расположенїемъ народа. Но годы проходили за годами, и время брало свое. Пора удалаго киргизскаго наѣздничества миновала безвозвратно. Съ возведенїемъ въ степи нашихъ укрѣпленїй и съ перенесенїемъ пограничной линїи съ береговъ Урала и Каспія на Сыръ-Дарью и Аральское море, степь затихла. Сторожевыя кордоны тогда были сняты, и самая Оренбургская крѣпость, какъ утратившая свое военное значенїе, была упразднена.

Киргизы дѣйствительно обратились въ мирныхъ кочевниковъ. Но правительство уже не хотѣло довольствоваться только замїренїемъ. Степь, составлявшая когда-то пограничныя владѣнїя Россїи, съ перенесенїемъ нашихъ границъ больше чѣмъ на тысячу верстъ въ глубь Азіи и въ особенности съ образованїемъ Туркестанскаго генераль-губернаторства, обратилась уже во внутреннїя части имперїи, а потому являлась необходимостью позаботиться о постепенномъ слїянїи этого края съ Россїею. Составлена была коммиссія, которая нашла, что цѣль эта можетъ быть достигнута введенїемъ въ степи прочной администраціи, въ главныхъ чертахъ сообразующейся съ общими учрежденїями имперїи. И вотъ въ исходѣ 1868 года появилось, такъ называемое «временное положенїе объ управленїи въ областяхъ Тургайской и Уральской».

Султаны-правители, съ ихъ кочевыми ставками, были упразднены и отошли въ область преданїй. Ихъ замѣнили губернаторы со всѣми губернскими атрибутами: присутственными мѣстами, вице-губернаторами, прокурорами, судьями, уѣздными начальниками и т. д. Весь этотъ высшїй слой администраціи состоятъ изъ русскихъ чиновниковъ; меньшія же власти, непосредственно сопри-

касавшіяся съ народомъ и наиболѣе его интересовавшія (волостные управители, аульные старшины и т. д.), были изъ туземцевъ и назначались по выбору самихъ киргизовъ. Естественно, что такое выборное начало, легшее краеугольнымъ камнемъ въ основу новаго положенія, въ конецъ подрывало значеніе и власть степной аристократіи. Султаны, потомки владѣтельныхъ хановъ, бии и другія вліятельныя лица, привыкшіе пользоваться почетомъ и уваженіемъ своихъ однородцевъ, теперь отодвигались на задній планъ. Не всегда они были любезны народу, и народъ могъ низвести ихъ съ пьедестала—обойти на выборахъ. Вотъ почему новая реформа должна была неминуемо встрѣтить, и дѣйствительно встрѣтила сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны привилегированныхъ сословій. Но и простой народъ отнесся къ ней весьма недовѣрчиво. Это объясняется тою канцелярскою тайной, въ которую облечена была разработка столь жизненнаго для киргизовъ вопроса. Дѣйствительно, новое положеніе, объявлявшее, что земли, занимаемыя киргизскими кочевьями, становятся землями государственными, предоставленными киргизамъ лишь въ общественное пользованіе, что права самихъ киргизовъ приравниваются къ правамъ обыкновенныхъ сельскихъ обывателей,—свалилось на нихъ, какъ снѣгъ на голову. Трудно было неразвитымъ кочевникамъ разобраться во всей этой сложной механикѣ, и народъ, игнорируя тѣ хорошія стороны «положенія», которыя въ немъ заключались, понялъ только одно, что подать ему придется платить съ кибитки вмѣсто полтора рубля два рубля семьдесятъ копеекъ. Этимъ обстоятельствомъ не замедлили воспользоваться султаны, бии и муллы для своихъ личныхъ цѣлей. Ими-то и были пущены въ ходъ всевозможные толки и слухи, одни нелѣпѣ другихъ, которые, какъ снѣговья глыбы, чѣмъ далѣе катились, тѣмъ принимали большіе и большіе размѣры.

Первый слухъ о «новомъ положеніи» привезъ изъ Оренбурга въ степь, въ январѣ 1869 года, какой-то султанъ, который подъ секретомъ рассказывалъ въ зимовкахъ близъ Илецкой Защиты, что встрѣтилъ русскихъ чиновниковъ, ѣдущихъ въ степь вводить «положеніе». Онъ говорилъ, что эти чиновники будутъ отбирать въ казну киргизскія земли, а самихъ киргизъ обратятъ въ крестьянъ и будутъ брать въ солдаты. Не успѣли киргизы разобраться, въ чемъ дѣло, какъ пронеслась молва: «ѣдутъ чиновники!». Этого слуха было довольно, чтобы взволновать ближайшіе аулы, а тутъ, какъ нарочно, прискакалъ чабаръ отъ одного вліятельнаго бія, Мунайтпаса Бутамбекова, съ предложеніемъ сѣзжаться къ нему на совѣщанія. Тамъ собралось около ста наиболѣе почетныхъ киргизовъ. Совѣщанія длились два дня, но такъ какъ одни говорили за «положеніе», а другіе противъ, то послѣ шумнаго спора собраніе разѣхалось, ничего не рѣшивъ.

«истор. вѣстн.», июль, 1900 г., т. LXXXI.

8

Въ это-то самое время возвратился въ степь извѣстный мулла Ихласъ-Досовъ, ѣздившій передъ тѣмъ въ Уфу для свиданія съ муфтіемъ. Онъ снова разослалъ гонцовъ по Хобдѣ и Илеку, приглашая къ себѣ возможно большее число киргизовъ. На этотъ разъ ихъ собралось до полуторы тысячи. Ихласъ распорядился тотчасъ выставить на Илекъ вооруженную шайку, чтобы задержать «организаціонную комиссію», ѣхавшую въ степь, а между тѣмъ объявилъ народу, что оренбургскій муфтіи, къ которому онъ обращался съ просьбой поставить въ степи мечеть и дать ему право исправлять духовныя требы,—отказалъ и въ томъ и въ другомъ, потому что отъ оренбургскаго духовнаго магометанскаго собранія уже отобрано право вмѣшиваться въ дѣла зауральскихъ киргизовъ. Этотъ отвѣтъ возбудилъ въ Ихласѣ сомнѣніе, не заключается ли въ новомъ положеніи чего нибудь противнаго религіознымъ вѣрованіямъ. Онъ сообщилъ свои опасенія народу, а народъ, и безъ того возбужденный превратными толками, рѣшилъ не пускать къ себѣ «организаціонную комиссію».

Чиновники, встрѣченные на самомъ Илекѣ тысячною вооруженною толпою, остановились. Киргизы ихъ обложили и держали въ блокадѣ два дня; на третью ночь комиссія повернула назадъ и возвратилась на линію безъ всякаго успѣха. Это и послужило началомъ къ открытому возстанію въ Тургайской области. Быстро разлилось оно по берегамъ Хобды и Илека; и пока одни собирались въ вооруженныя шайки, другіе, не желавшіе принимать участіе въ бунтѣ, поспѣшно откочевывали въ глубину степей, совершенно перепутавшись въ своихъ понятіяхъ и взглядахъ на «положеніе».

Одновременно съ этимъ, такія же прискорбныя явленія произошли и въ южной части степи, въ Гурьевскомъ уѣздѣ, принадлежавшемъ къ Уральской области. Предсѣдатель тамошней организаціонной комиссіи, Тверитиновъ, успѣлъ организовать одну ближайшую волость, но этимъ работа его и закончилась. Едва онъ прибылъ въ аулы къ тазларовцамъ, въ верстахъ въ пяти отъ устьевъ Эмбы, какъ былъ остановленъ старшинами иссыковскаго рода, пріѣхавшими къ нему съ Сагиза и Тентякъ-Сора. Они объявили, что между ихъ однородцами происходятъ волненія, но что они берутся уладить дѣло, если Тверитиновъ возвратится назадъ и не пойдетъ въ аулы.

Тверитиновъ не согласился. Старшины уѣхали. Но едва только смерклось, какъ со стороны ближайшихъ ауловъ показалась конная толпа, человекъ въ четыреста, которая на полныхъ рысяхъ шла прямо къ нашему бивуаку. Казаки живо сдвинули сани, сбатовали лошадей и зарядили ружья. Киргизы дѣйствительно подскочили въ упоръ, но видя, что вагенбургъ готовъ къ оборонѣ, остановились. Отставной казакъ Шамсутдиновъ вышелъ къ нимъ

на встрѣчу и спросилъ, что имъ надо. Толпа съ крикомъ и бранью потребовала выдачи киргиза Тавасарова, находившагося въ числѣ организаціонной комиссіи. «Отдайте намъ Тавасарова! Отдайте измѣнника!—кричали иссыковцы:—иначе мы возьмемъ его силой!» Тавасарова спрятали и объявили, что онъ уѣхалъ въ сосѣдній аулъ. Тогда толпа отодвинулась; но не прошло получаса, какъ киргизы съ крикомъ: «смерть русскимъ!» бросились на лагерь. Ружейный залпъ въ упоръ обратилъ ихъ въ бѣгство.

Наступила холодная, бурная ночь. Киргизы обложили отрядъ и стали въ виду его громаднымъ таборомъ. Положеніе комиссіи было критическое: помощи ей ожидать было нельзя, а выдержать блокаду, по неимѣнію запасовъ, не представлялось возможности. Къ тому же, вся наша боевая сила состояла только изъ 12 уральскихъ казаковъ. Безконечно долго тянулась эта холодная и мрачная январская ночь. Наконецъ, не задолго до свѣту, въ лагерь пробрались трое ордынцевъ и принесли извѣстіе, что къ иссыковцамъ идутъ подкрѣпленія, подъ начальствомъ Сеиля Туркубаева. Вѣрные киргизы предлагали свои услуги спасти отрядъ и требовали только, чтобы довѣрились имъ безусловно. Раздумывать и колебаться было не время. Смерть все равно угрожала казакамъ, какъ въ вагенбургѣ, такъ и въ случаѣ измѣны вожаковъ, а потому черезъ полъ-часа маленькій отрядъ уже былъ готовъ къ выступленію. Въ непроницаемой тѣмѣ, при грозномъ завываніи степной метели, тихо двинулись казаки вслѣдъ за своими вожаками, которые благополучно миновавъ киргизскіе караулы, вывели ихъ къ открытому морю. Отсюда уральцы пустились уже по льду, и на слѣдующій день, къ ночи, кое-какъ пѣшкомъ, добрались до Гурьева, оставивъ въ добычу мятежникамъ обозъ и лошадей.

Такимъ образомъ неудачная попытка ввести новое положеніе и здѣсь имѣла послѣдствіемъ не только открытое сопротивленіе власти, но дала киргизамъ и возможность организовать возстаніе. Ихъ батыри, какъ въ старыя годы, стали собираться въ партіи и тревожить линію своими набѣгами. Морозная зима, сковавшая Уралъ, давала имъ всѣ средства удобно перебираться на русскую сторону по льду, отбивать скотъ и нападать на жителей. И вотъ боевыя тревоги, давно умолкшія на берегахъ Урала, снова загремѣли по линіи.

Чтобы показать, до какой степени опасность преслѣдовала жителей даже въ виду казачьихъ форпостовъ, я расскажу два, три случая, которые вмѣстѣ съ тѣмъ познакомятъ читателей и съ характеромъ тогдашнихъ киргизскихъ набѣговъ.

Однажды, напримѣръ, трое киргизовъ, переправившись черезъ Уралъ, никѣмъ не охраняемый, сдѣлали засаду, какъ разъ на пути къ казачьимъ хуторамъ, по рѣчкѣ Богырдаю. Тутъ они выбрали оврагъ, доверху заваленный снѣгомъ, привязали лошадей къ приколамъ и

стали терпѣливо выжидать, не пошлетъ ли Аллахъ какую нибудь добычу. Зимній день выдался сѣренькій, туманный; киргизы успѣли уже порядочно продрогнуть и соскучиться, какъ вотъ по дорогѣ показался какой-то казакъ хutorянинъ. Двое изъ хищниковъ тотчасъ вскочили на коней и, припавъ къ лукѣ, понеслись низомъ, лощиной, какъ разъ на перерѣзъ безопасному уральцу. Казакъ увидѣлъ опасность только тогда, когда бѣжать отъ нея было нельзя,—да и все равно, на домашнемъ маптакѣ не уйти отъ выдержанныхъ киргизскихъ скакуновъ, а защищаться нечѣмъ — казакъ былъ безоруженъ. Тоскливо оглянулъ онъ кругомъ знакомую мѣстность: всюду снѣговая, ровная, безлюдная гладь... Чернѣетъ что-то тамъ на краю оврага, да это малахай: навѣрное, тамъ-то и сидитъ засада... а киргизы ужъ близко. Передній всадникъ съ разгона ударилъ его пикой и вогналъ острое лезвее въ грудь почти на пѣлюю четверть. Пошатнулся старый казакъ, однако усидѣлъ въ сѣдлѣ и, какъ медвѣдь, схватившись руками за пику, въ куски поломалъ гнилое ратовище. Плохо пришлось бы и киргизу, попавшему въ его желѣзныя лапы, еслибы тутъ на помощь не подскочилъ другой и взмахомъ тяжелаго чекана не сбилъ казака на землю... Очнулся онъ уже въ оврагѣ, обобранный и связанный, посреди киргизовъ, между которыми шелъ жаркій разговоръ, что дѣлать съ плѣнникомъ.

«Мнѣ не нужно хивинскія тилли ¹⁾,—кричалъ громче всѣхъ высокій, сухощавый старикъ, съ лицомъ, искаженнымъ злобою:— я хочу крови, потому что много видѣлъ горя отъ русскихъ, когда содержался у нихъ на форпостахъ». Съ послѣднимъ словомъ онъ выхватилъ ножъ, висѣвшій у него на поясѣ, и прежде чѣмъ киргизы успѣли удержать его руку, казакъ уже плавалъ въ крови и конвульсивно бился на землѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Молча, облокотясь на старый мултукъ, стоялъ страшный старикъ надъ своею жертвой, пока другой ударъ, угодившій казаку прямо подъ сердце, не прекратилъ его агоніи.

Цѣлый день просидѣли киргизы въ оврагѣ, поджидая, не вернется ли еще кто нибудь на засаду, но на дорогѣ никто не показывался. Въ сумеркахъ они покинули свое логовище и, какъ голодные волки, пошли по новымъ тропамъ отыскивать добычи. Вотъ ѣдутъ они стенью и видятъ — ходитъ въ сторонѣ табунь. Какъ не попытать удачи? Опытные барантаци объѣхали его кругомъ изъ-подъ вѣтра; но кони, вспугнутые рикомъ и ружейнымъ выстрѣломъ, бросились въ разныя стороны. Пока киргизы ихъ скучивали, на шумъ сбѣжалась артель рабочихъ, случайно ночевавшихъ въ ближнемъ кутанѣ, и прискакали табунчики. Попробовали было киргизы отстоять добычу, но, принятые въ укрюхи, обратились въ бѣгство.

¹⁾ Золотая монета.

Вся ихъ добыча за день состояла въ одномъ казачьемъ маштакѣ, добытомъ изъ-подъ убитаго уральца. Они уже подумывали было возвратиться домой, какъ на берегу Урала наткнулись на чей-то обозъ, безопасно заночевавшій въ степи, верстахъ въ пяти отъ Тополинской крѣпости. Нѣсколько саней, съ поднятыми оглоблями, къ которымъ привязано было съ десятокъ лошадей, стояли безъ всякой охраны. Никого изъ людей не было видно; по всей вѣроятности, они спали тутъ же въ саняхъ, укрывшись отъ холода кошмами. Киргизы осторожно подобрались къ лошадямъ и стали ихъ отвязывать; лошади, однако, шарахнулись и разбудили спавшихъ обозниковъ. На возу поднялся старый казакъ Терентій Толкачевъ. Замѣтивъ непрошенныхъ гостей, онъ крикнулъ: «воры!» но въ ту же минуту грянулъ ружейный выстрѣлъ, и казакъ упалъ, раненый въ грудь мултучною пулей. По выстрѣлу векочили его сынъ и работникъ. Киргизы, замѣтивъ, что въ обозѣ людей больше не было, бросились на нихъ въ пики; но казаки, схвативъ топоры и оглобли, отбили нападеніе. Двѣ лошади остались, однако же, въ рукахъ у киргизовъ, жаль стало казакамъ своего добра. «Живо, садись, ребята, на лошадей!» скомандовалъ старикъ, забывая свою рану, и вдвоемъ съ сыномъ погнался за хищниками. Тѣ, замѣтивъ погоню, бросили лошадей; но какъ только казаки съ своею добычей повернули назадъ, киргизы наѣли на нихъ съ тылу. Видя, что они настигаютъ сына, старый казакъ осадилъ коня, но въ ту же минуту снова былъ раненъ пикою въ спину; сыну его достался добрый ударъ по головѣ чеканомъ. Оба они, облитые кровью, успѣли, однако, доскакать до обоза и вмѣстѣ съ работникомъ приняли киргизовъ въ оглобли. Нападеніе вторично было отбито. Хищники отошли и стали совѣщаться. Тогда старикъ Толкачевъ спросилъ у нихъ по-киргизски:

— Чего вы хотите отъ насъ?

— Лошадей.

— Лошадей не дадимъ, пока не возьмете насъ, а мы не сдадимся.

— Лучше сдайтесь!—кричали киргизы.—Вѣдь оглоблями да топорами не отобьетесь, а если не сдадитесь, мы будемъ стрѣлять.

— Стрѣлять стрѣляйте, да близко не подходите; неровень часть, кого зашибемъ и до смерти.

— Да вы кто такіе, русскіе или казаки? — спрашивали ихъ киргизы.

— Казаки.

— Изъ какого форпоста?

— Калмыковскіе.

— Если вы казаки, то садитесь на коней и выѣзжайте въ поле.

— Намъ въ полѣ дѣлать нечего, — отвѣчалъ старикъ, — а хотите взять лошадей, то идите въ обозъ и берите.

Перебранка съ обѣихъ сторонъ тянулась цѣлую ночь, а тутъ и блѣдная полоса разсвѣта стала разливаться по небосклону. Киргизы смѣтили, что теперь, того и гляди, найдетъ казачій разѣздъ, и потому, оставивъ обозъ, пустились своей дорогой по берегу Урала. Но день для нихъ задался неудачливый. Не проѣхали они и ста сажень, какъ услыхали погоню; сильный казачій разѣздъ скакалъ за ними изъ Тополинской крѣпости. Пустили киргизы своихъ скакуновъ во всѣ повода; но скоро замѣтили, что подъ однимъ изъ нихъ конь начинаетъ уставать. Они пропустили его съ заводнымъ маштакомъ впередъ, а сами стали держаться сзади, чтобы въ случаѣ нужды отбиваться отъ русскихъ. А разѣздъ все ближе и ближе...

Далеко впереди его, пожалуй, на цѣлую версту, несутся трое уральцевъ. Молодой, неопытный казакъ, Астраханкинъ, на чудномъ конѣ первый настигаетъ хищниковъ, но тѣ бросаются въ пни и гонятъ его назадъ.

— Давай мнѣ свою лошадь, я мигомъ съ ними раздѣлаюсь!— кричитъ на скаку бородастый уралець. Но Астраханкинъ не соглашается. Во весь махъ выпустилъ онъ своего скакуна, широкимъ вольтомъ обскакалъ киргизовъ, но кинуться одному на двухъ не хватило духу; его опять гонятъ и преслѣдуютъ хищники.

А между тѣмъ тотъ, что скачетъ впереди, напрасно напрягаетъ силы, чтобы уйти отъ погони. Лошадь подъ нимъ уже спотыкается, пересѣдываетъ некогда; онъ ловко срѣзавъ ножомъ сѣдельную подпругу, выбросилъ изъ-подъ себя арчакъ и на скаку перекинулся на другую лошадь, добытую утромъ; но этотъ домашній маштакъ только и скачетъ, что куцымъ короткимъ галопомъ. Киргизы увидѣли, что болѣе спасать товарища нельзя, и бросили его на жертву. Старый киргизъ безропотно покорился своей судьбѣ; онъ медленно слѣзъ съ коня, бросилъ оружiе и сѣлъ на дорогу. Такъ, въ этомъ положенiи, его и захватили казаки. Остальные ушли.

Подобныхъ происшествiй въ то время было не мало. Но случались и такiя дѣла, въ которыхъ погибали уже не одиночные люди, а цѣлыя вооруженныя команды. Вотъ что случилось разъ въ самое Благовѣщенiе.

Чинно отпраздновали казаки въ Горячинскомъ форпостѣ великiй день, въ который, по народнымъ повѣрьямъ, даже птица не вьетъ себѣ гнѣзда, а къ вечеру по случаю разрѣшенiя вина и елея позабыли и думать, что есть на свѣтѣ киргизы, а не то уже, чтобы они были близко. Никакихъ мѣръ осторожности не было принято, и казаки заснули, не предчувствуя, что для многихъ изъ нихъ эта ночь будетъ послѣднею.

На самомъ свѣту въ станицу прискакалъ чабанъ съ извѣстiемъ, что съ зимовокъ отставного сотника Скворкина киргизы угнали

всѣ табуны и отары. Въ домѣ Скворкина поднялась суматоха, разбудили сосѣдей и 20 оставныхъ казаковъ вызвались идти въ погоню; къ нимъ присоединился самъ Скворкинъ и потомъ хорунжій Сергѣевъ. Вся эта толпа, наскоро осѣдлавъ лошадей, поскакала къ разбитой зимовкѣ, откуда по свѣжему слѣду гнать было удобнѣе. Проскакавъ верстъ десять во весь опоръ, казаки растянулись, и нѣкоторые, имѣвшіе подъ собой плохихъ лошадей, стали одинъ по одному возвращаться назадъ. Между тѣмъ, 13 человекъ, въ томъ числѣ два офицера, Сергѣевъ и Скворкинъ, гнали все дальше и дальше. Они уже сдѣлали верстъ 25 и были недалеко отъ урочища Курайлы, когда замѣтили конную толпу, человекъ въ триста, которая быстро неслась стороною, чтобы отрѣзать имъ отступленіе. Казаки остановились. Опытнымъ взглядомъ окинули они окрестную мѣстность и, увидѣвъ въ сторонѣ кутанъ—особую землянку, куда киргизы обыкновенно загоняютъ на зиму скотъ,—подскакали къ нему, спѣшились и сбатовали коней. Этотъ способъ обороны, освященный у казаковъ и временемъ и лучшими боевыми преданіями, не разъ выручалъ ихъ изъ бѣды. Но тутъ случилось одно обстоятельство, разстроившее всѣ ихъ расчеты. Воспользовавшись численнымъ своимъ превосходствомъ, киргизы обложили казаковъ и завели съ ними перестрѣлку издалека, стараясь выманить выстрѣлы. Казаки, однако, попались бывалые, знакомые со степною повадкою, и не хотѣли терять зарядовъ напрасно. «Пока зарядъ въ дулѣ—голова казака на плечахъ»,—говорятъ старые люди, и казаки, слѣдуя этому мудрому правилу, стрѣляли съ выдержкой, черезъ ружья, снимая время отъ времени тѣхъ смѣльчаковъ, которые уже слишкомъ назойливо подѣзжали къ ихъ кругу.

Убѣдившись, наконецъ, что такъ казаковъ не возьмешь, киргизы натаскали сѣна и, сложивъ его въ громадный стогъ, зажгли изъ-подъ вѣтру. Пламя и ѣдкій дымъ, охватившіе защитниковъ, заставили ихъ отойти на нѣсколько шаговъ отъ строенія. Вотъ этого только и хотѣли киргизы. Они проворно растворили кутанъ, и скотъ, ослѣпленный пожаромъ, подгоняемый сзади гикомъ, выстрѣлами и ударами пикъ, какъ бѣшеный, ринулся на казаковъ. Испуганные кони шарахнулись, оборвали батовки, и кругъ разстроился. Въ эту минуту киргизы съ дикимъ ревомъ обрушились на казаковъ всею своею массою... Что произошло тогда—описывать нечего; триста человекъ, разумѣется, смяли тринадцать, и черезъ двѣ, три минуты кровавое дѣло было покончено. Ни одинъ изъ уральцевъ не сдался живымъ; всѣ бились дружно и сложили свои головы, какъ одинъ человекъ. Когда прискакалъ сюда станичный резервъ, ему оставалось совершить только дѣло милосердія: казаки подняли 13 обезглавленныхъ тѣлъ (голова были увезены киргизами) и медленно, похоронною процессіей вернулись съ ними домой... На слѣдующій день были похороны, и нѣсколько-

ко простыхъ сосновыхъ крестовъ прибавилось на станичномъ кладбищѣ. Но ни эти кресты, ни краснорѣчивыя надписи, изсѣченныя на нихъ рукою грамотея-станичника, не сохраняютъ въ народѣ память объ этомъ кровавомъ событіи. Живое слово, простой разсказъ, быть можетъ, пѣсня,—одна изъ тѣхъ богатырскихъ былинъ, которыя оставляетъ великое казацкое войско въ наслѣдіе своему потомству, — вотъ что передастъ ихъ скромныя имена и славную смерть ихъ, какъ священный завѣтъ отцовъ своимъ дѣтямъ и внукамъ.

Не всегда, однако же, и киргизамъ приходилось возвращаться назадъ изъ своихъ набѣговъ. Бывали случаи, что цѣлыя шайки ихъ попадались въ руки казаковъ, и тогда казаки, съ своею очередь, уже не давали пощады.

Однажды, лѣтомъ, получено было извѣстіе, что выше Горячинскаго форпоста переправилась черезъ Уралъ шайка въ триста человѣкъ и ударились въ степь. Пока станичный резервъ выѣзжалъ на тревогу, новый гонецъ прибылъ съ извѣстіемъ, что киргизы отхватили табунъ въ 800 головъ и гонятъ его къ Мергеневскому поселку. Повернули казаки въ ту сторону, а въ Мергеневѣ съ постовой каланчи уже увидѣли шайку, и 20 казаковъ на пяти бударкахъ пустились внизъ по Уралу, чтобы перенять переправу.

Киргизы ожидали погону, и потому съ своей стороны поднялись на хитрость; они отправили табунъ по берегу рѣки, а сами, обскакавъ Мергеневскій поселокъ, кинулись вплавъ, чтобы сбить казаковъ со слѣду. Съ бударокъ, однако же, увидѣли плавившуюся конницу, и легкая казачья флотилія стрѣлою понеслась внизъ по теченію. Дружно налегли казаки на весла, разогнали челны и, со всего разгона врѣзавшись въ эту толпу, принялись чѣмъ ни попало, и веслами и баграми, глушить киргизовъ, какъ красную рыбу. Киргизамъ защищаться было нельзя, а потому Уралъ мгновенно обагрился кровью, и мутныя волны его понесли множество труповъ, и людскихъ и конскихъ, къ далекимъ берегамъ Каспійскаго моря. Съ берега ордынцы, провожавшіе табунъ, съ ужасомъ глядѣли на гибель товарищей, но ничѣмъ не могли помочь имъ—выстрѣлы не достигали бударокъ. Нѣсколько человѣкъ сунулись было въ воду, но крикъ: «спасайтесь! скачутъ казаки!»—заставилъ ихъ думать о собственномъ спасеніи. Но спастись было уже поздно; резервы Горячинскаго, Лбищенскаго и Каршинскаго форпостовъ отрѣзали имъ отступленіе. Киргизамъ, притиснутымъ къ заливу, образуемому въ этомъ мѣстѣ Ураломъ, оставалось выбирать только родъ смерти — гибнуть на сушѣ или въ водѣ. И ни одному изъ трехсотенной партіи не удалось ступить на родную сторону. Тѣ, которые дрались на берегу, легли подъ ударами казачьихъ шашекъ и пикъ; другіе, сброшенные въ рѣку, попадали въ руки казаковъ, сидѣвшихъ въ бударкахъ, и

тѣ, какъ сомовъ, глушили ихъ своими баграми. Это поголовное истребленіе шайки послужило хорошимъ урокомъ киргизамъ и надолго отбило у нихъ охоту переправляться за Уралъ и тревожить казачьи станицы.

Здѣсь, въ бѣглыхъ замѣткахъ, не мѣсто рассказывать подробно о тѣхъ мѣрахъ, которыя наконецъ были приняты къ успокоенію взволнованной степи. Вооруженный мятежъ въ Уральской области подавленъ былъ чрезвычайно быстро, но онъ долго еще продолжалъ держаться въ сосѣднемъ съ нами Мангишлакскомъ приставствѣ, гдѣ небольшой казачій отрядъ подполковника Рукина былъ истребленъ самымъ измѣнническимъ образомъ. Много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ эта кровавая драма разыгралась на берегахъ Сарыташскаго залива, но, къ сожалѣнію, о ней нигдѣ ничего не писали, а между тѣмъ это событіе представляетъ собою едва ли не единственный фактъ въ нашихъ степныхъ экспедиціяхъ.

Скитаясь по степи долгое время и встрѣчаясь со многими лицами, близко стоявшими къ этому несчастному дѣлу, я имѣлъ случай собрать о немъ много достовѣрныхъ подробностей, которыя и передамъ читателямъ такъ, какъ онѣ рассказывались мнѣ въ откровенной и дружеской бесѣдѣ передъ эгонькомъ далекаго степного бивуака.

Надо сказать, что «новое положеніе», вводившееся среди оренбургской степи, на первыхъ порахъ совсѣмъ не коснулось адаевцевъ. Они жили слишкомъ далеко, кочевали въ сосѣдствѣ съ Хивой и Туркменіей, и потому о переустройствѣ ихъ въ самый разгаръ степного мятежа нечего было и думать. Какъ прежде, въ дореформенное время, такъ и тогда, когда реформы уже вводились въ оренбургской степи, адаевцы попрежнему дѣлились на двѣ дистанціи и управлялись своими почетными бѣями: Маяевымъ и Колбинымъ. Оренбургское начальство распорядилось даже не объявлять имъ о новомъ размѣрѣ податей, что было весьма основательно, такъ какъ эта мѣра, по крайности, на первыхъ порахъ удержала ихъ отъ намѣренія пристать къ недовольнымъ и идти на Гурьевъ.

Но зато, какъ только вооруженный мятежъ въ степи былъ подавленъ, военный губернаторъ Уральской области тотчасъ потребовалъ къ себѣ, въ Уральскъ, обоихъ дистанчныхъ начальниковъ. Оба они явились въ началѣ 1870 года. Имъ дали инструкціи и отправили обратно уже съ подполковникомъ Рукинымъ, которому на правахъ уѣзднаго начальника подчинялось все Мангишлакское приставство. Рукинъ, какъ рассказываютъ, началъ дѣйствовать круто. Онъ вовсе не хотѣлъ принимать во вниманіе ни новости для адаевцевъ самаго дѣла, ни разнообразія мѣстныхъ бытовыхъ условій, ни обширности степныхъ пространствъ, ни

борьбы съ предрасудками. Онъ думаль, что только суровая строгость да страхъ наказаній одни могутъ держать въ повиновеніи полудикихъ кочевниковъ, и этимъ создалъ рядъ такихъ затрудненій, съ которыми пришлось впоследствии уже не ему считаться серіознымъ образомъ. Адаевцы съ ропотомъ приняли новое положеніе; они не хотѣли платить податей больше того, чѣмъ платили прежде, да и въ самомъ разграниченіи земель между волостями и аулами увидѣли мѣру не только стѣснительную для скотоводства, но, главное, нарушающую ихъ вѣковые обычаи. Напрасно Маяевъ, человѣкъ усердный и преданный русскимъ, старался разъяснить имъ благія намѣренія правительства; его не слушали; народъ малопомалу переходилъ на сторону Колбина, который во главѣ своей дистанціи открыто отложился отъ русскихъ.

Въ половинѣ марта, при первомъ извѣстіи объ этихъ безпорядкахъ, Рукинъ выступилъ изъ Александровскаго форта съ конною полусотней уральскихъ казаковъ. Онъ шель «наказать мятежниковъ», рассчитывая, что одного появленія его съ казаками будетъ достаточно для возстановленія полного спокойствія. Но онъ жестоко ошибся. Напрасно Маяевъ и нѣсколько почетныхъ биевъ, присоединившіеся къ нему по дорогѣ, совѣтовали ему возвратиться назадъ, говоря, что мятежъ охватилъ уже большую часть Мангышлака, и что идти впередъ съ такими ничтожными силами—дѣло рискованное. Рукинъ, однако, ихъ не послушалъ: не зная киргизовъ, онъ былъ убѣжденъ, что двухъ-трехъ выстрѣловъ будетъ достаточно, чтобъ разогнать какія угодно скопища. А дорога, между тѣмъ, отъ самаго форта на разстояніи слишкомъ 125 верстъ оказалась пустынною. Аулы спѣшно откочевывали въ разныя стороны, и такъ какъ «наказывать» при такихъ условіяхъ было некого, а вести переговоры не съ кѣмъ, то Рукину, дошедшему уже за Сарыташскій заливъ, поневолѣ оставалось одно: возвратиться въ фортъ. Но едва казаки повернули назадъ, какъ случилось извѣстіе, что обратная сторона занята мятежниками. Нѣкто Исса Тулумбаевъ, одинъ изъ сардарей, человѣкъ молодой и богатый, сталъ во главѣ возстанія и со всѣхъ сторонъ окружилъ казаковъ легкими партиями. Положеніе отряда стало опаснымъ. Тѣ изъ ордынцевъ, которые еще оставались намъ вѣрными и были въ лагерѣ, теперь одинъ по одному, втихомолку перебѣгали къ мятежникамъ. Скоро при Рукинѣ остались только Маяевъ съ двумя своими джигитами да Косынко, старый киргизъ, прослужившій 12 лѣтъ безсмѣннымъ почтаремъ въ Александровскомъ фортѣ. Рукинъ былъ видимо встревоженъ такимъ оборотомъ дѣла и потерялъ значительную долю своей самоувѣренности. Онъ остановился на первыхъ попавшихся ему колодцахъ и послалъ одного изъ джигитовъ Маяева въ фортъ за подкрѣпленіемъ. «Я окруженъ адаевцами»,—писалъ онъ коменданту: — приплите на помощь сколько возможно людей, хоть

двадцать человекъ при одномъ орудіи, и вмѣстѣ съ ними пришлите мнѣ второй комплектъ боевыхъ патроновъ, фельдшера, медикаментовъ и водки, которой у казаковъ совсѣмъ не имѣется». Между тѣмъ, желая выиграть время, онъ послалъ спросить Исса Тулумбаева, что значать эти вооруженныя сборища.

— Скажи,—отвѣчалъ на это Исса,—чтобы приставъ прежде всего выдалъ Маяева: пока этотъ измѣнникъ не будетъ въ нашихъ рукахъ, мы не начнемъ вести переговоровъ.

Съ посланнымъ пріѣхало въ лагерь и нѣсколько съ ногъ до головы вооруженныхъ киргизовъ, чтобы принять отъ насъ Маяева.

— Маяева я не выдамъ,—отвѣчалъ имъ Рукинъ:—но передайте Иссѣ, что если онъ прибѣгнетъ къ оружію и истребитъ горсть моихъ казаковъ, то правительство не оставитъ его безъ наказанія.

Само собою понятно, что Рукину, какъ человѣку, стоявшему во главѣ вооруженной силы, не слѣдовало допускать въ самомъ себѣ даже мысли о возможности истребленія казачьяго отряда, а тѣмъ болѣе говорить объ этомъ самимъ же киргизамъ. Но разъ это было сказано, и Исса подмѣтилъ въ Рукинѣ колебаніе, онъ приказалъ открыть огонь по отряду. Цѣлую ночь шла перестрѣлка.

На слѣдующій день, 24-го марта, отрядъ отошелъ назадъ еще верстъ на десять: На пути при самомъ входѣ въ крутыя каменистыя горы Акъ-Тау лежало узкое ущелье, которое киргизы и вздумали занять, чтобы окончательно отрѣзать Рукина отъ форта. Съ нашей стороны такъ же дорожили этимъ горнымъ проходомъ, и урядникъ Багайдинъ съ шестью казаками вызвался предупредить киргизовъ. Наши и непріятель прискакали туда одновременно. Шесть казаковъ столкнулись съ сотнею киргизовъ, и у самага входа въ ущелье произошла рукопашная свалка. Храбрый Багайдинъ и два казака были убиты, остальные прискакали назадъ. Отступленіе отряду было отрѣзано. Повидимому, лихой казачьей полусотнѣ, вооруженной прекрасными таннеровскими винтовками, нечего было бы и думать о шайкѣ барантачей. Такъ и смотрѣли на это дѣло сами уральцы; но Рукинъ не попытался даже пробиться, а приказалъ повернуть направо въ горы, чтобы этимъ путемъ, какъ можно скорѣе, выйти къ открытому морю. Но здѣсь казаки очутились посреди такихъ скалистыхъ ущелій, что двигаться съ обозомъ было невозможно. Начинало темнѣть. Тогда Рукинъ, желая ускорить отступленіе, приказалъ бросить не только верблюдовъ съ палатками и продовольствіемъ, но и верховыхъ казачьихъ лошадей, рассчитывая, что въ этой мѣстности скорѣе можно спастись пѣшкомъ, нежели конными. Казаки бросили верблюдовъ, но оставить лошадей не соглашались. Они предлагали Рукину завьючить ихъ провіантомъ, и вести въ поводу, говоря, что съ лошадьми и провіантомъ они не только чрезъ горы, чрезъ всю орду пройдутъ, а случится крайность—положатъ лошадей въ кругъ, вотъ имъ и

готовое укрѣпленіе; а тамъ не день или два, а цѣлую недѣлю можно держаться, пока не дадутъ подмогу изъ форта. Иканское дѣло, гдѣ сотня уральцевъ три дня боролась съ десяти-тысячною кокандскою арміею, было еще тогда въ свѣжей памяти всѣхъ. Но Рукинъ былъ человѣкъ чужой казакамъ, не знакомый ни съ ихъ обычаемъ спѣшиваться, ни съ подъемомъ ихъ нравственнаго духа, и потребовалъ буквального исполненія своихъ приказаній. Казаки поворчали между собою, но лошадей бросали; отрядъ двинулся дальше.

Въ это время со стороны форта вдругъ показалась какая-то конница. На одно мгновеніе мелькнула у всѣхъ надежда, что это казаки. Вотъ отъ нихъ отдѣлился одинъ... Маяевъ поскакалъ къ нему на встрѣчу и въ виду отряда былъ убитъ изъ ружья наскочившимъ на него киргизомъ ¹⁾.

Съ этой минуты Рукинъ потерялъ послѣднюю надежду на спасеніе отряда. До моря, у береговъ котораго Рукинъ рассчитывалъ найти спасительныя суда рыбопромышленниковъ, оставалось еще верстъ пять или шесть, а ночь наступила такая темная, что идти дальше было невозможно. Рукинъ приказалъ отряду взобраться на уступъ горы и тамъ расположиться на ночь. Ни воды, ни продовольствія при отрядѣ не было. Всю ночь киргизы ѣздили кругомъ, но близко приближаться не смѣли—нарѣзное оружіе казаковъ держало ихъ въ почтительномъ разстояніи. И, тѣмъ не менѣе, Рукинъ около полуночи позвалъ къ себѣ стараго Косынку и сказалъ ему:

— Ну, Косынко, дѣла наши плохи. Вотъ тебѣ мое двухствольное ружье, возьми его и спасайся, какъ знаешь. Мы ничего сдѣлать больше не можемъ.

Что думалъ въ эту минуту Рукинъ — неизвѣстно; но, по всей вѣроятности, несчастная мысль о сдачѣ уже запала въ его голову. Косынко, между тѣмъ, тотчасъ выбрался изъ лагеря, но уйти далеко не удалось и ему, — вездѣ были киргизы; онъ притаился за камни и сталъ невольнымъ свидѣтелемъ того, что произошло здѣсь на слѣдующее утро.

Стало свѣтать; казаки готовились къ бою. Но Рукинъ, вмѣсто того, чтобы вести ихъ къ морю или укрѣпиться на занятой имъ высотѣ и ожидать подкрѣпленій изъ форта, — рѣшилъ начать переговоры.

— Маяевъ, — послалъ онъ сказать Тулумбаеву: — убитъ; наши верблюды и лошади брошены. Если есть люди, убитые въ шайкѣ, то есть и русскіе, убитые киргизами; стало быть, кровь за кровь пролита, и теперь Исса долженъ пропустить отрядъ безпрепятственно.

¹⁾ По словамъ другихъ, Маяевъ убитъ въ то время, когда отрядъ расположился уже на ночлегъ. Онъ замѣтилъ на полугорѣ одного киргиза изъ своей дистанціи и началъ взбираться къ нему для переговоровъ. Въ эту минуту киргизъ выстрѣлилъ, и Маяевъ палъ мертвымъ.

Съ отвѣтомъ на это пріѣхалъ Девлетъ Калдыбаевъ.

— Исса,—сказалъ онъ Рукину:—требуетъ, чтобы ты пріѣхалъ къ нему въ лагерь вмѣстѣ съ твоими офицерами. Тогда онъ пропуститъ отрядъ и возвратитъ лошадей и верблюдовъ.

Самъ Рукинъ былъ озадаченъ дерзкимъ тономъ посланнаго,— и тѣмъ не менѣе условіе было имъ принято. Рукинъ, вмѣстѣ съ двумя офицерами и вахмистромъ Макаровымъ, отправился къ Иссѣ. Казаки и здѣсь пробовали уговорить его:

— Не поддавайтесь, ваше высокоблагородіе, не вѣрьте имъ— обманутъ. Кто повѣритъ киргизу, тотъ хуже бабы, говорятъ у насъ старики. Дозвольте пробиваться къ форту; винтовки у насъ славныя, патроновъ хватить... Не бѣда, ваше высокоблагородіе, что провіанту нѣтъ, дня два протерпимъ, а тамъ и въ фортѣ будемъ.

Но Рукинъ уѣхалъ. Черезъ часъ не больше отъ него возвратился Макаровъ съ приказаніемъ, чтобы казаки спустились съ горы и шли къ киргизскому стану. Уральцы отказались.

— Еще не было примѣра, — говорили они: — и дѣды не запомнятъ того, чтобы казакъ покорился киргизамъ.

Ропотъ сдѣлался общимъ. Макаровъ далъ знать Рукину. Тотъ возвратился самъ и не безъ труда возстановилъ порядокъ. Напрасно казаки еще разъ просили у него дозволенія примкнуть къ горѣ и здѣсь отбиваться. Рукинъ отвѣчалъ, что это будетъ напрасно, такъ какъ безъ воды и хлѣба они защищаться не могутъ.

— Такъ ведите насъ впередъ,—кричали казаки:—мы пашками пробьемъ себѣ дорогу, довольно съ насъ сраму, что по вашему приказанію мы бросили верблюдовъ и коней.

— До форта далеко, а путь къ морю запертъ, — возразилъ на это Рукинъ:—пробиться мы не сможемъ и погибнемъ даромъ. Киргизы же обѣщаютъ отпустить насъ съ честью.

Казаки не вѣрили.

— Вспомните, — сказалъ тогда Рукинъ, — что наши офицеры остались заложниками въ рукахъ непріятеля, и что всякое упорство съ вашей стороны грозитъ имъ гибелью.

Казаки отвѣчали, что они не виноваты въ томъ, что выдали ихъ офицеровъ, и что, можетъ быть, теперь ихъ уже нѣтъ и въ живыхъ. Рукинъ отвѣчалъ, что офицеры живы, но при первой попыткѣ казаковъ взяться за оружіе погибнутъ непремѣнно.

Что происходило тогда на душѣ уральцевъ, этого мы объяснить не беремся; но черезъ полчаса казаки молча и угрюмо шли уже вслѣдъ за своимъ начальникомъ къ киргизскому стану. Но тамъ ожидало ихъ новое и еще большее униженіе. Исса потребовалъ, чтобы казаки сложили оружіе.

Даже Рукинъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Я не могу иначе отвѣчать ни за что,—сказалъ Тулумбаевъ въ полголоса: — сейчасъ пригонять вашихъ лошадей и верблю-

довъ, и кто знаетъ, что можетъ случиться, если и мои и твои люди останутся вооруженными. Лучше послушай моего совѣта.

Одинъ изъ офицеровъ отправился къ казакамъ уговаривать ихъ исполнить требованіе, а между тѣмъ Рукинъ, встревоженный и мрачный, ходилъ взадъ и впередъ по площадкѣ, гдѣ полукружіемъ сидѣли киргизскіе вожди. Казаки наотрѣзъ отказались повиноваться. Рукинъ подошелъ самъ и сталъ угрожать имъ, что всѣ они, по возвращеніи въ фортъ, какъ ослушники, будутъ преданы полевому военному суду.

— Если мы честно, съ оружіемъ, пробьемся въ фортъ, — кричали казаки:—то Богъ не безъ милости и батюшка царь проститъ намъ, что мы не пошли въ плѣнъ къ киргизамъ.

Ропотъ превращался въ открытый бунтъ, и страшное слово «измѣна» тамъ и сямъ уже стало ходить по рядамъ уральцевъ. Минута была критическая. Тогда урядникъ Неулыбинъ вышелъ впередъ и обратился къ полусотнѣ съ слѣдующими словами:

— Братцы!—сказалъ онъ:—не хорошо мы дѣлаемъ, что не слушаемъ начальника. Сложите оружіе; должно быть, намъ на роду написано погибнуть, «какъ съ Бекачемъ»¹⁾. Простимся другъ съ другомъ и умремъ честными казаками, а не ослушниками.

Нѣкоторые пробовали возразить ему; но рѣчь Неулыбина произвела поразительное дѣйствіе: послѣ недолгаго спора уральцы пришли къ заключенію, «что воля начальства есть Божія воля, и что противъ ея итти не приходится». Тогда, въ послѣдній разъ перецѣловавшись другъ съ другомъ, они неохотно стали снимать съ себя винтовки, патронташи, пашки и складывать ихъ на указанное мѣсто. Человѣкъ двадцать киргизовъ подошли и накрыли казачье оружіе большими тяжелыми кошмами, на которыхъ по угламъ усѣлось нѣсколько здоровенныхъ ордынцевъ. Не всѣ казаки, однако же, исполнили приказаніе въ точности. Нѣкоторые, чело- вѣкъ 17—18, въ томъ числѣ хорунжій Ливкинъ, вахмистръ Макаровъ и самъ Неулыбинъ, сдали только шашечныя ножны, а клинки, про всякій случай умудрились спрятать въ шаровары, пропустивъ ихъ черезъ карманы за голенища сапогъ. Когда все это было сдѣлано, Исса свистнулъ, и толпа киргизовъ, скрытыхъ до того въ засадѣ, вдругъ съ дикимъ ревомъ ринулась на казаковъ... Перваго схватили есаула Логинова и, набросивъ ему на шею арканъ, потащили къ верблюдамъ. Та же участь постигла всѣхъ, кто былъ безоруженъ: ихъ смяли массою, связали и потомъ отвезли въ Хиву. Но тѣ, которые успѣли припрятать пашки, выхватили ихъ и защищались отчаянно; хорунжій Ливкинъ былъ тяжело израненъ и на третій день умеръ; Макаровъ, Неулыбинъ и остальные казаки были частью изрублены, частью покрыты тяжелыми ранами и по-

¹⁾ Князь Бековичъ-Черкасскій, погибшій въ Хивѣ въ 1717 году.

пали въ плѣнъ. Рукинъ только въ моментъ катастрофы созналъ свою непростительную ошибку; не желая пережить своего несчастья, онъ выхватилъ револьверъ и на глазахъ у всѣхъ застрѣлился; когда онъ падалъ, подскочилъ къ нему Исса и ударомъ пашки разрубилъ ему голову.

Такъ окончилась эта катастрофа, о которой казаки-уральцы и теперь еще вспоминаютъ съ горькимъ чувствомъ нравственной обиды.

Напрасны и несправедливы были бы обвиненія Рукина въ измѣнѣ, трусости или въ малодушіи. Онъ хотѣлъ спасти отрядъ и только не сумѣлъ этого сдѣлать, потому что не зналъ ни народа, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло, ни казаковъ, которыми командовалъ. Онъ самъ покончилъ съ собою, потому что не хотѣлъ пережить нареканій, и теперь, когда прошло уже столько лѣтъ со дня его смерти, можно отнестись къ его памяти съ большою безпристрастностью.

Смерть Рукина была только началомъ крупныхъ событій на Мангишлакѣ. Нужно сказать, что записка, посланная имъ въ Александровскій фортъ съ дороги, была доставлена, и помощь оттуда вышла своевременно. 25-го марта, часу въ пятомъ вечера, команда, изъ 20 пѣшихъ казаковъ съ однимъ орудіемъ, уже подходила къ тому мѣсту, на которомъ въ послѣдній разъ ночевалъ Рукинъ. Прдержись онъ нѣсколько лишнихъ часовъ — и катастрофы бы не было. Но теперь обстоятельства перемѣнились. Подходя къ Сарытапскому заливу, казаки встрѣтили киргиза, который везъ тѣло убитаго Маяева. Онъ первый сообщилъ имъ извѣстіе о гибели начальника уѣзда и совѣтовалъ, какъ можно скорѣе возвратиться въ фортъ, чтобы предупредить коменданта. Казаки повернули назадъ, и только тутъ замѣтили, что адаевцы небольшими конными шайками со всѣхъ сторонъ тянутся къ морю. И казаки и киргизы съ видимымъ любопытствомъ издалека наблюдали другъ друга, но близко не приближались. Только, когда уже совершенно стемнѣло, мимо самага отряда проскакалъ какой-то киргизъ, верхомъ на верблюдѣ, съ длинною камышевою палкой въ рукахъ. Нѣкоторые признали въ немъ Девлета Калдыбаева, жившаго по сосѣдству съ фортомъ. Его окликнули, но онъ только махнулъ рукой и, прокричавъ: «уходите скорѣе, покуда цѣлы», скрылся изъ виду. Казаки прибавили шагъ.

Вечеромъ, 26-го марта, весь Александровскій фортъ пришелъ въ необычайное движеніе: возвратился отрядъ, ходившій на помощь къ Рукину, и привезъ извѣстіе о гибели начальника уѣзда, вмѣстѣ со всею казачьей полусотней. Казаки, поселенцы, армяне и мирные киргизы—все бѣжало на площадь, чтобы услышать подробности страшнаго происшествія. Тутъ же, въ толпѣ, успѣли схватить и Девлета Калдыбаева, который, какъ ни въ чемъ не бывало,

явился въ фортъ, желая, конечно, прослѣдить то впечатлѣніе, какое произведетъ на гарнизонъ извѣстіе о торжествѣ адаевцевъ. Его арестовали и отвели къ коменданту; подробностей отъ него, однако же, никакихъ не добились. Онъ только утверждалъ, что всѣ офицеры живы и вмѣстѣ съ казаками находятся въ плѣну. Печальная истина раскрылась позже, спустя нѣсколько дней, когда явился Кóсынко, очевидецъ кровавой катастрофы. Онъ сообщилъ, что адаевцы возстали поголовно, и что громадныя толпы ихъ съ разныхъ сторонъ направляются къ форту.

Заброшенный въ глухую сторону, угрюмо и одиноко стоитъ Александровскій фортъ на каменной грядѣ Тюбъ-Караганскаго мыса, почти у самаго берега пустыннаго Каспійскаго моря. Помощи ему ожидать не откуда. Ближайшій пунктъ, съ котораго еще могло подойти подкрѣпленіе,—это Уральскъ, находящійся отсюда въ тысячеверстномъ разстояніи. Скоро ли доѣдетъ туда гонецъ? Да и доѣдетъ ли въ такое время, когда всѣ дороги были покрыты разбойничьими шайками? Стало быть, коменданту приходилось рассчитывать только на силы одного гарнизона, а этотъ гарнизонъ состоялъ всего изъ двухъ сотъ пѣшихъ казаковъ. Комендантомъ форта былъ въ то время капитанъ Зеленинъ, старый степной офицеръ, прошедшій всю свою долгую жизнь въ бояхъ съ азіатцами. Онъ самъ объявилъ гарнизону объ опасномъ положеніи форта и своею короткой, но горячею рѣчью сумѣлъ вдохнуть въ простыя сердца казаковъ необычайное мужество. Казаки поклялись умереть на развалинахъ форта. Закипѣла работа по исправленію верковъ, а между тѣмъ послали просить помощи въ Гурьевъ и въ Астрахань. Посланному въ послѣдній городъ посчастливилось прибыть туда моремъ на третьи сутки, и такимъ образомъ 1-го апрѣля телеграфъ передалъ въ Оренбургъ извѣстіе о возстаніи адаевцевъ.

Между тѣмъ событія на полуостровѣ шли своимъ чередомъ. Истребивъ отрядъ Рукина, киргизы направились къ морю и первый ударъ свой направили на Сарыташскую пристань. Вотъ какъ рассказывалъ мнѣ впоследствии одинъ изъ рыбопромышленниковъ о нападеніи на нихъ киргизовъ.

— Работали мы,—говоритъ онъ:—нѣсколько дней совершенно спокойно и не предвидѣли, какая бѣда виситъ у насъ надъ головою. Доходили до насъ слухи, что киргизы гдѣ-то бунтуютъ въ степи, да мы на это мало обращали вниманія: что они намъ сдѣлаютъ на морѣ?

— Лодка у меня была большая, на ходу проворная, лоцманъ русскій,—такъ въ случаѣ чего можно бы было и уйти отъ погони. Правда, работниковъ я нанималъ изъ киргизовъ, но это былъ народъ вѣрный, сколько лѣтъ уже ходилъ со мною на промыселъ. Разъ, въ самое Благовѣщеніе, вечеромъ, подъѣзжаетъ къ намъ маленькая лодочка, а въ ней трое киргизовъ. Признаться, я и не

обратилъ вниманія—мало ли ихъ ѣздило въ ту пору?—сизу, разбираю сѣти, а того и не вижу, что киргизы вошли на палубу, пошептались съ моими молодцами, да какъ вдругъ хватаютъ меня топоромъ по затылку,—я такъ и громыхнулся прямехонько въ открытый люкъ...

Что было дальше—не знаю. Опомился я уже ночью. Кругомъ все тихо,—только и слышно, какъ волны плещутъ о борть моей лодки... голова трещить, грудь завалило чѣмъ-то тяжелымъ, холоднымъ... Сталь я вглядываться, вижу—лежу въ трюмѣ, гдѣ складывалась рыба, а на мнѣ—большущая бѣлужина. Ужъ какимъ манеромъ я очутился подъ нею, не знаю, а только, видно, она-то, матушка, и закрыла меня отъ киргизовъ. Выползъ я кое-какъ на верхъ, вижу: на палубѣ кровь, лоцмана нѣтъ,—значить убили, да сбросили въ море, а то, можетъ быть, и съ собой увезли. Загоревалъ я тутъ: какъ мнѣ одному управиться съ такою большою лодкою, да и страшно, ну, какъ вернутся киргизы... Только я это подумалъ, вижу—лодка. «Батюшки, думаю—они!..» кинулся опять въ трюмъ, забился подъ рыбу и лежу.

Слышу—подѣхали. Кто-то кричитъ съ лодки: «Эй! нѣтъ ли тутъ кого живого, выходи, спасайся!» Я лежу, шелохнуться не смѣю: кто ихъ знаетъ, какіе люди? Окликъ повторился еще два раза—я все молчу. «Ну, видно, здѣсь никого не оставили, всѣхъ побили, поѣдемъ дальше!» Тутъ только я догадался, что это наши поселенцы, и сталъ кричать о помощи. Вернулись они, взяли меня съ собою въ фортъ, да по дорогѣ и рассказали, что почитай всѣ наши рыбопромышленники побиты, что работники-киргизы вездѣ помогали убивать своихъ хозяевъ, многихъ сбросили въ море, а многихъ увезли въ Хиву. «Я еще отдѣлался счастливѣе,—прибавилъ рассказчикъ:—по крайности, живъ остался, да и лодку не тронули, а у другихъ такъ ни синь-пороха не оставили»...

Разгромъ Сарыташской ватаги заставилъ опасаться, чтобы той же участи не подверглась и Николаевская станица, находившаяся всего верстахъ въ пяти или въ шести отъ форта, на берегу Александровской бухты. Станица эта была населена исключительно одними рыболовами и прилегала къ гористой, изрѣзанной балками мѣстности, а между нею и фортomъ на половинѣ дороги находилось Красное озеро, названное такъ потому, что въ ясные дни вода его имѣла совершенно малиновый цвѣтъ. Говорятъ, что это происходитъ отъ кристаллизаціи какой-то особенной соли, которая, осѣдая на дно, сообщаетъ озеру не только красный цвѣтъ, но и многія цѣлебныя свойства.

Поселенцы Николаевской станицы были предупреждены комендантомъ объ опасности. Часть ихъ перебралась въ фортъ, а остальные, сложивъ свое имущество на морскія суда, вышли въ открытое море. Тамъ они проводили ночи, а по утрамъ на маленькихъ

лодкахъ съѣзжали на берегъ и присматривали за своимъ хозяйствомъ.

2-го апрѣля, дня за два до Вербной субботы, поселенцы вздумали топить свои бани, а потому большая часть ихъ была на берегу. Вдругъ, часовъ въ 9 утра, на горахъ показалась многочисленная непріятельская конница. Изъ форта увидѣли ее прежде, чѣмъ изъ станицы, и съ одного изъ бастионовъ на встрѣчу ей грянулъ пушечный выстрѣлъ. Гулко раскатился ударъ по сосѣднимъ горамъ и понесъ въ станицу тревожную вѣсть о наступившей опасности. Случилось, что въ это самое время одна молодая поселянка изъ форта находилась около Краснаго озера. Киргизы ее замѣтили и цѣлою толпою кинулись за нею въ угонку. Изъ форта зачастили выстрѣлы, но разстояніе было слишкомъ велико—ядра не долетали, и бѣдная женщина, долго увертывавшаяся отъ окружавшихъ ея киргизовъ, была наконецъ схвачена на глазахъ гарнизона. Гулъ канонады достигъ между тѣмъ до станицы и вызвалъ въ ней общую панику. Заметались люди, бывшіе въ баняхъ: блѣдные, растерянные, полуодѣтые, бросились они къ своимъ спасательнымъ лодкамъ, но по ихъ слѣдамъ уже мчались киргизы и безпощадно рубили и забирали въ плѣнъ тѣхъ, кого застигали въ домахъ и на улицахъ. Крики и вопли несчастныхъ доносились до форта. Казаки просились на вылазку. Но что могла сдѣлать какая нибудь сотня пѣшихъ людей, когда непріятель имѣлъ возможность окружить ее своими громадными силами, отрѣзать ей отступленіе и такимъ образомъ лишить фортъ въ нужную минуту цѣлой половины его защитниковъ. Долго колебался комендантъ между чувствомъ долга и человѣколюбіемъ; но благоразуміе, однако, одержало верхъ. Рѣшено было думать только о спасеніи форта.

Всю ночь до самага утра горѣла станица, и киргизы грабили дома поселенцевъ и лодки, которыя еще оставались въ бухтѣ. Замѣчательный случай вышелъ при этомъ съ однимъ изъ нашихъ уральцевъ.

Въ бухтѣ, у самага выхода въ море, стояла подъ охраною шести казаковъ казенная лодка, на которой совершалась почтовая гоньба въ Гурьевъ и Астрахань. Когда киргизы ворвались въ станицу, то казаки немедленно открыли по нимъ огонь изъ своихъ дальнобойныхъ винтовокъ. Мѣткіе выстрѣлы ихъ крѣпко мѣшали адаевцамъ хозяйничать въ бухтѣ и до того озлобили послѣднихъ, что человѣкъ тридцать кинулись въ ближайшій пакетботъ и поплыли къ казацкому судну, чтобы взять его на абордажъ. Вѣтеръ дулъ съ моря, и такъ какъ наша тяжелая парусная лодка не могла повернуться, чтобы выйти изъ бухты, то казаки проворно соскочили въ подѣздную шлюпку и уже готовились отчалить, когда одна изъ бывшихъ съ ними женщинъ крикнула, что позабыла ребенка. На одну минуту всѣ оторопѣли, потому что въ лодкѣ были

уже киргизы. Тогда одинъ казакъ, перекрестившись, бросился на палубу судна, схватилъ забытое дитя и подъ градомъ пуль благополучно соскочилъ обратно въ лодку. Еще минута — и легкая казачья ладья унеслась изъ глазъ оторопѣвшаго противника.

Два дня киргизы неистовствовали по всему морскому побережью, и въ оба эти дня изъ форта съ удивленіемъ видѣли, что маякъ, стоявшій на Тюпъ-Караганскомъ мысѣ, загорѣлся въ свое урочное время, и какъ всегда, путеводный бѣлый огонекъ его фонаря мерцалъ едва замѣтною звѣздочкою, освѣщая нашимъ судамъ прибрежные рифы и мели. Въ высокой каменной башнѣ этого маяка помѣщалась команда изъ восьми матросовъ, вмѣстѣ со своимъ офицеромъ. Комендантъ уже нѣсколько разъ посылалъ сказать, чтобы они отступили въ крѣпость; но офицеръ прислалъ только своихъ шестерыхъ малютокъ, а о себѣ велѣлъ передать, что будетъ держаться на своемъ посту до послѣдней возможности. Съ паденіемъ станицы всѣ наши сообщенія съ маякомъ прекратились, но ежедневный сигнальный огонь, зажигаемый на его флагштаукѣ, давалъ гарнизону знать, что матросы держатся. На третьи сутки киргизы обложили маякъ и отрѣзали у осажденныхъ воду. Цѣлый день шла перестрѣлка, а ночью, когда въ киргизскомъ станѣ все успокоилось, матросы по веревкамъ спустились внизъ съ пятнадцати-саженной высоты и благополучно оврагами пробрались въ фортъ, гдѣ ихъ уже не чаяли видѣть живыми.

На слѣдующій день, не слыша болѣе выстрѣловъ, киргизы подступили къ башнѣ и съ удивленіемъ увидѣли ее покинутою. Долго любовались они этимъ величественнымъ зданіемъ, съ высоты котораго открывалась такая чудная картина на море и степь, уходившую куда-то далеко въ безконечное пространство. Но разрушительные инстинкты дикарей взяли наконецъ свое: и къ вечеру красивая, грандіозная башня представляла собою лишь безобразную груду развалинъ и мусора.

Теперь очередь дошла и до форта.

5-го апрѣля, въ Вербное воскресенье, толпы киргизовъ конныхъ и пѣшихъ потянулись къ восточнымъ укрѣпленіямъ форта. Изъ крѣпости ихъ встрѣтили гранатами. Непрiятель, однако, былъ хорошо укрытъ горными кряжами и безостановочно продолжалъ наступленіе; онъ остановился только надъ самымъ спускомъ въ долину, и отсюда стрѣлки его, залегшіе за камни, открыли огонь по укрѣпленію. Изъ форта имъ отвѣчали всѣ бастионы, обращенные фронтомъ къ непрiятелю, — и жестокій огонь продолжался до самаго заката солнца. Но вотъ наступила ночь, пальба смолкла, а гарнизонъ стоялъ на валу и ожидалъ приступа.

Между тѣмъ, еще въ то время, когда густыя сумерки только что стали спускаться на землю, значительная толпа киргизовъ отдѣлилась отъ главнаго скопища и двинулась на сѣверную сторону съ

видимую цѣлью занять высокую гору—мѣсто бывшего крѣпостного флагштока, откуда можно было видѣть все, что дѣлается въ фортѣ. Изъ 5-го бастіона замѣтили, однако, это движеніе и сдѣлали вылазку. 20 казаковъ успѣли предупредить киргизовъ и встрѣтили ихъ ружейнымъ залпомъ. Киргизы отхлынули назадъ и дали возможность коменданту ночью выслать на помощь къ казакамъ еще одно полевое орудіе.

6-го числа, едва только наступилъ разсвѣтъ, съ валу увидѣли небольшую группу киргизовъ, которые шагомъ ѣхали по направленію къ форту и издали еще махали бѣлымъ флагомъ. Огонь съ крѣпостной стѣны прекратился. Явился парламентаръ съ письмомъ отъ Исы Тулумбаева, который просилъ въ немъ выслать изъ форта всѣхъ находившихся у насъ киргизовъ, общая взаимнѣ ихъ возвратитъ Рукина и двухъ уральскихъ офицеровъ. Посланнаго съ письмомъ задержали, а Тулумбаеву послали сказать, что пока офицеры не будутъ въ фортѣ, до тѣхъ поръ не начнутъ съ нимъ переговоры. Исса былъ раздраженъ отказомъ. «Весь адаевскій родъ,— писалъ онъ къ коменданту:—возсталъ на защиту своего закона, и гарнизону изъ двухъ сотъ человѣкъ нельзя сопротивляться тридцати-тысячной силѣ». Не желая напрасной гибели храбрыхъ, Исса требовалъ перемирія и предлагалъ коменданту устроить свиданіе въ условленномъ для этого мѣстѣ.

— Напрасно Исса думаетъ меня обмануть, — отвѣчалъ на это капитанъ Зеленинъ:—ни я и никто изъ моихъ офицеровъ на свиданіе съ нимъ не поѣдемъ, а что касается его угрозы, то пусть онъ попробуетъ взять крѣпость, которая имѣетъ на стѣнахъ 14 пушекъ.

— Вы надѣетесь на пушки, а мы уповаемъ на Бога,—отвѣтилъ ему Исса, и переговоры кончились.

День прошелъ безъ всякихъ приключеній. Лазутчики, являвшіеся въ фортъ, говорили однако, что нападеніе будетъ ночью на армянскій базаръ, находившійся въ нижнемъ укрѣпленіи, откуда жители выведены были при самомъ началѣ осады.

Дѣйствительно, ночь наступила темная, препятствовавшая видѣть приближеніе непріятеля, а между тѣмъ гарнизонъ не могъ сдѣлать вылазку, такъ какъ у него за всѣмъ расходомъ оставалось подъ ружьемъ только 150 человѣкъ, къ которымъ прибавили всѣхъ рабочихъ людей, лазаретную прислугу, писарей, причетниковъ, денщиковъ и даже торговцевъ, сколько нибудь умѣвшихъ владѣть оружіемъ.

Часовъ въ десять вечера отдаленный шумъ и выстрѣлъ съ наблюдательнаго пикета, поставленнаго за нижнимъ укрѣпленіемъ, извѣстили о приближеніи непріятеля. Почти въ то же время загорѣлась ружейная пальба на мѣстѣ бывшего флагштока, и замѣтили какія-то черныя правильныя массы, приближавшіяся къ восточ-

нымъ бастіонамъ; ихъ встрѣтили орудійнымъ огнемъ. Но пока перестрѣлка, то затихая, то разгораясь сильнѣе, отвлекала наше вниманіе на эти два пункта, главныя силы адаевцевъ передвинулись на южную сторону, и, несмотря на картечный огонь, направленный въ улицы армянскаго базара, вломились въ нижнее укрѣпленіе. Грабежъ продолжался до самаго разсвѣта. Спасти армянскій базаръ не представлялось уже никакой возможности, и потому стрѣльба съ нашей стороны мало-помалу затихла. Въ гарнизонѣ начиналъ ощущаться недостатокъ въ боевыхъ снарядахъ.

Взошедшее солнце озарило только курившіеся дома сожженнаго предмѣстья. Армяне, пробравшіеся туда по уходѣ киргизовъ, принесли извѣстіе, что все, что было въ лавкахъ, разграблено дочиста; но стѣны, обрызганныя мозгомъ, товары, перепачканные кровью, людскіе и конскіе трупы, загромождавшіе улицы, показывали ясно, что картечь сдѣлала свое дѣло и уложила на вѣчный покой немало хищнаго люда. День прошелъ спокойно, а ночью опять тревога—киргизы пытались сжечь скирды сѣна: сскреть изъ десяти казаковъ отстоялъ, однако, казенное добро и разогналъ адаевцевъ.

По утру 8-го числа, изъ форта замѣтили въ морѣ большую козовую лодку, стоявшую на якорѣ возлѣ самой бухты. Нѣсколько казаковъ, посланныхъ узнать, что это за лодка, вернулись назадъ вмѣстѣ съ лоцманомъ, который объявилъ, что онъ ночью прибылъ съ грузомъ изъ Астрахани, но, увидѣвъ развалины станицы, догадался, въ чемъ дѣло, и бросилъ якорь такъ, чтобы его можно было замѣтить изъ форта. Случай представлялся отличный, чтобы извѣстить начальство о бѣдственномъ положеніи крѣпости. Лоцману приказано было тотчасъ ѣхать назадъ, и вмѣстѣ съ нимъ отправили депешу къ астраханскому губернатору, прося его какъ можно скорѣе выслать хотя бы двѣ роты мѣстнаго батальона, такъ какъ приступить надо ждать съ минуты на минуту.

Положеніе форта дѣйствительно представлялось безвыходнымъ. Казаки, стоявшіе на валу безсмѣнно и днемъ и ночью, правда, не потеряли нравственной бодрости, но за то физически дошли до такого изнуренія, что, случалось, нѣкоторые изъ нихъ безсознательно падали и тутъ же засыпали такимъ глубокимъ сномъ, изъ котораго вывести ихъ не было возможности. Къ тому же, надо добавить, что въ самомъ фортѣ не было колодцевъ, они находились отъ него въ полуверстѣ разстоянія, и въ послѣдніе два дня люди уже ощущали недостатокъ въ свѣжей водѣ.

Киргизы между тѣмъ видѣли лодку, сообразили, что появленіе ея было не даромъ, и рѣшили какъ можно скорѣе покончить съ фортомъ, тѣмъ болѣе, что въ этотъ день къ нимъ подошли значительныя подкрѣпленія. Лазутчики извѣстили обо всемъ капитана Зеленина.

Дѣйствительно, какъ только смерклось, киргизы спустились съ

горь въ сады, прилегающіе къ форту, и окончательно выжгли армянское предмѣстье. Всю ночь являлись они то противъ южныхъ, то противъ восточныхъ воротъ укрѣпленія, и всюду встрѣчали ихъ картечь и ружейный огонь стоявшаго насторожѣ гарнизона. Командантъ, впрочемъ, зналъ черезъ лазутчиковъ, что это были только демонстраціи, а настоящій штурмъ назначенъ былъ на слѣдующую ночь, съ 9-го на 10-е число, что приходилось въ страстную недѣлю, съ великаго четверга на пятницу. Помощь изъ Астрахани поспѣть не могла.

Серіозно встрѣтили уральцы роковой и, какъ они полагали, послѣдній день въ своей жизни. Все, что можно было сдѣлать для спасенія форта, ими было сдѣлано, и теперь эти люди съ холодною рѣшимостью готовились встрѣтить смерть, которая была у нихъ не за горами.

Утромъ 9-го числа, обходя въ послѣдній разъ бастіонъ, комендантъ замѣтилъ далеко, на самомъ горизонтѣ моря, синѣющей дымокъ парохода. Извѣстіе объ этомъ мгновенно облетѣло весь фортъ, и сотни любопытныхъ глазъ жадно устремились по тому направленію. Но пароходъ приближался медленно, не съ той стороны, откуда можно было ждать подкрѣпленія. Онъ шелъ съ Кавказа и, какъ думали, по всей вѣроятности, принадлежалъ какой нибудь торговой компаніи. И тѣмъ не менѣе, надеждамъ, толкамъ и предположеніямъ со стороны осажденных не было конца; нѣкоторые утверждали даже, что видятъ войско, другіе качали головами и говорили, что это грузь, которымъ завалена палуба. А пароходъ между тѣмъ подходилъ все ближе и ближе... вотъ онъ поворачиваетъ въ бухту... вотъ по горамъ засуетились киргизы, поднялась скачка, и рѣзкіе, перекликающіеся голоса, отраженные эхомъ, огласили окрестность. Десять казаковъ выѣхали также изъ форта и, перекрестившись, во весь опоръ поскакали къ бухтѣ, узнать, куда и зачѣмъ идетъ пароходъ. Прошло часа два самаго томительнаго ожиданія. Но вотъ казаки скачутъ назадъ и издали машутъ шапками; они кричатъ, что это помощь, что изъ Петровска прибыли двѣ пѣхотныя роты... Радостный гулъ пронесся изъ конца въ конецъ по всему укрѣпленію,— и великій четвертъ сдѣлался великимъ днемъ освобожденія нѣсколькихъ сотенъ людей отъ неминуемой гибели.

Къ вечеру новоприбывшій отрядъ кавказской пѣхоты съ двумя нарѣзными пушками двинулся къ форту. Масса киргизъ, гарцовавшая внизу, стала убираться на горы... А тамъ, на вершинѣ одной изъ нихъ, тихо колеблемое вѣтромъ, стояло большое зеленое знамя, и подъ нимъ задумчивый и мрачный сидѣлъ Исса Тулумбаевъ. Онъ долго смотрѣлъ въ подзорную трубу, какъ разгружался пароходъ, какъ двигался отрядъ, щетинясь стальными штыками, и, обратившись къ своимъ приближеннымъ, сказалъ:

— Теперь нашему дѣлу конецъ. Исходъ одинъ—итти въ Хиву и просить покровительства хана.

Въ ту же ночь киргизы сняли осаду.

Я съ удовольствіемъ слушалъ рассказы бывалыхъ людей и не замѣчалъ, какъ проходило время. А ночь между тѣмъ окончательно налетѣла на окрестность Тамберкульскаго озера, и только свѣтлою звѣздочкою мигалъ среди непроглядной тьмы небольшой огонекъ нашего бивуака. Было уже поздно. Ордынецъ всталъ и протянулъ мнѣ руку.

— Ну, прощай, тамыръ,—сказалъ онъ:—спи, ничего не бойся, у насъ тутъ спокойно.

Урядникъ-уралецъ неодобрительно покачалъ на это головою.

— Вѣдь вотъ и чиновникъ, киргизъ-отъ, — сказалъ онъ: — а сколько въ емъ этой дурости. Ну, какъ же это можно, чтобы въ степи спать спокойно: непременно беречись надо.

Я даже слышалъ, какъ онъ распредѣлялъ казаковъ на очередь и приказывалъ имъ наблюдать «особливую осторожность». Но никакой осторожности не было. Когда я проснулся, то всѣ казаки, не исключая «очередного», спали въ повалку, и мнѣ стоило немало труда разбудить ихъ, чтобы выѣхать до свѣту. Невесело, если полуденный зной захватитъ далеко отъ колодцевъ...

В. А. Потто.

